

© А. М. СТОЧИК, 1995

УДК 378.661:93

А. М. Сточик

О КЛИНИЧЕСКОЙ БАЗЕ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В XVIII ВЕКЕ

Московская медицинская академия им. И. М. Сеченова

Среди проблем истории медицинского факультета Московского университета внимание исследователей не перестает привлекать вопрос о существовании в XVIII веке клинической базы для преподавания практических медицинских дисциплин.

Советские историки медицины, вооруженные идеей о том, что подготовка врача немыслима без клинических демонстраций и преподавания у постели больного, неоднократно предпринимали попытки обнаружить клиническую базу на медицинском факультете Московского университета в XVIII веке. В результате анализа творческой деятельности первых профессоров медицинского факультета, читавших курсы практических дисциплин, большинство исследователей приходило к выводу о том, что наиболее прогрессивным считался именно клинический метод преподавания таких дисциплин, как практическая медицина, хирургия и повивальное искусство.

Не приводя здесь выдержек из речей и немногочисленных работ С. Г. Зыбелина, Ф. Г. Политковского, В. М. Рихтера о важности собственного клинического опыта, практического ознакомления с болезнями и т. п., скажем, что в распоряжении исследователей находился набор цитат, достаточный для стимуляции поиска клинической базы. Принималось во внимание также, что первые профессора университета проходили стажировку за границей, в том числе в Лейденском университете, где О. Гурн, Сильвий (Ф. де ла Бозэ) и Г. Бургаве одними из первых в Европе начали преподавание внутренней медицины у постели больного. Аргументом в пользу существования клинической базы на медицинском факультете служило также и то обстоятельство, что преподавание медицины в госпитале у постели больного ко времени создания Московского университета благодаря деятельности госпитальных школ стало чуть ли не национальной традицией.

Такие изначальные установки в значительной степени предопределили успех поиска. В 1926 г. Л. Я. Скороходов в «Кратком очерке истории русской медицины» отметил, что «в 1797 г. была открыта при Московском военном госпитале постоянная клиническая палата, снабженная всем необходи-

мым для преподавания слушателям медицинского факультета Московского университета (на 10 человек). Заведовал ею адъюнкт Е. Мухин, а читал в ней лекции профессор диагностики и терапии М. Пеккен»¹. Спустя 5 лет это же положение было повторено Д. М. Российским в статье «Медицинское образование» 1-го издания БМЭ². Наконец, в 1940 г. И. Д. Страшун — автор вступительной статьи юбилейного сборника «175 лет I МГМИ», рассматривая вопросы клинического преподавания в Московском университете, высказался еще более определенно: палата, открытая в 1797 г. при Московском военном госпитале, «и была первой клиникой медицинского факультета, просуществовавшей до учреждения академических клиник»³.

С этого времени, возможно, благодаря авторитету И. Д. Страшуна факт существования в конце XVIII века в Московском университете клинической базы сомнений не вызывал. Он представлялся настолько бесспорным, что упоминания о палате Пеккена в Московском военном госпитале как о клинической базе медицинского факультета Московского университета можно найти даже в столь авторитетных источниках, как 2-е и 3-е издания БМЭ⁴, юбилейный сборник «225 лет I МГМИ»⁵.

¹ Скороходов Л. Я. Краткий очерк истории русской медицины. — Л., 1926. — С. 10.

² Медицинское образование // БМЭ, 1-е изд. — Т. 17. — М., 1931. — С. 655.

³ Страшун И. Д. 175 лет / В кн.: 175 лет Первого московского государственного медицинского института. — М., 1940. — С. 12.

⁴ Медицинское образование // БМЭ, 2-е изд. — Т. 17. — М., 1960. — С. 818.

⁵ 225 лет Первому московскому медицинскому институту им. И. М. Сеченова. — М., 1990. — С. 15.

Однако обнаружения палаты Пеккена, видимо, показалось недостаточно. Исследователей стал интересовать вопрос: почему же столь необходимая для подготовки врача клиническая палата была открыта только в конце XVIII века. И поиски продолжались... В юбилейном сборнике "175 лет I МГМИ", о котором упоминалось выше, В. Н. Смотров в статье "Факультетская терапевтическая клиника", отметив, что "в архивных материалах не найдены пока точные данные о начале клинического преподавания внутренних болезней", высказал предположение, что, "по-видимому, С. Г. Зыбелин демонстрировал терапевтических больных в университетской больнице, помещавшейся во дворе главного корпуса университета"⁶. Развивая эту точку зрения, И. А. Зиновьев пошел еще дальше: до открытия палаты Пеккена в Московском военном госпитале "на медицинских факультетах университетов нашей страны имелись для преподавания сравнительно небольшие клиники, или, как их называли, студенческие больницы"⁷. Принимая во внимание, что университетская, или, как ее называет И. А. Зиновьев, "студенческая" больница, в Московском университете была открыта в 1758 г., т. е. за 6 лет до начала работы медицинского факультета, вопрос о существовании в XVIII веке клинической базы Московского университета можно было считать окончательно решенным. Одновременно, опираясь на позитивные результаты поиска клинической базы Московского университета, некоторые исследователи обнаружили в конце XVIII века первую русскую клиническую школу — школу С. Г. Зыбелина⁸.

Справедливости ради, отметим, что были работы, авторы которых, хотя и не вступая в полемику с описанной нами выше точкой зрения и никак не подкрепляя свою, указывали, что преподавание практических медицинских дисциплин в Московском университете в XVIII веке велось сугубо теоретически⁹.

Успех поисков и обнаружение все новых и новых свидетельств прогрессивности учебных и научных занятий в Московском университете, особенно к концу XVIII века, с нашей точки зрения, во многом определялись тем, что исследователи не сопоставляли содержание и формы преподавания на медицинском факультете с целевыми установками университетского образования, т. е. с тем, кого, собственно, готовил медицинский факультет Московского университета. Когда же мы попытались рассмотреть вопрос о существовании клинической базы университета в XVIII веке в этой плоскости, то не без удивления обнаружили, что медицинский факультет на протяжении всего XVIII века не ставил перед собой задачу подготовить практикующего врача.

Для того чтобы дать ответ на вопрос, кого готовил медицинский факультет Московского университета, необходимо вспомнить, что университет в целом создавался по образу и подобию университетов Западной Европы. Более того, уже с первых лет работы факультета организация учебного процес-

⁶ Смотров В. Н. Факультетская терапевтическая клиника / В кн.: 175 лет Первого московского государственного медицинского института. — М., 1940. — С. 269.

⁷ Зиновьев И. А. Организация госпитальных клиник в Московском университете // Клин. мед — 1961. — № 6. — С. 150.

⁸ Смотров В. Н. Очерки по истории терапевтической школы Московского университета // Сов. мед. — 1940. — № 7;

Смотров В. Н., Барановская М. Ю. С. Г. Зыбелин и Ф. Г. Политковский — первые представители русской терапевтической клиники // Тер. арх. — 1940. — Т. XVIII, № 6;

Пионковский И. А. Семен Герасимович Зыбелин / В кн.: С. Г. Зыбелин. Избранные произведения. — М., 1954. — С. 21.

⁹ Колосов Г. А. Медицинский факультет Московского университета в XVIII веке // Сов. клин. — 1932. — Т. XVIII, № 2—3. — С. 127—139.

Турубинер Л. А. Московский медицинский институт в XVIII веке // Советское студенчество. — 1939. — № 8. — С. 50—52;

Турубинер Л. А. Медицинский факультет Московского университета в первые десятилетия своего существования // Фельд. и акуш. — 1941. — № 1. — С. 64—66.

са и характер преподавания полностью согласовывались с традицией университетского медицинского образования.

Медицинские факультеты европейских университетов не готовили завершенных специалистов. Степень бакалавра медицины, присваиваемая после окончания университетского курса, не давала прав на врачебную практику. Образование было ориентировано исключительно на подготовку широко образованного медика, изучившего полный курс общеобразовательных дисциплин, естественные науки, различные разделы теоретической медицины. Преподавались и практические медицинские дисциплины: практическая или клиническая медицина, хирургия и повивальное искусство, но сугубо теоретически, что вполне объяснимо. Изучение болезней, их клинической симптоматики, течения и т. д. у постели больных, необходимое для будущего практикующего врача, относилось к послеуниверситетской подготовке и предназначалось лишь для тех, кто хотел посвятить себя именно этой деятельности. В задачи собственно университетского курса входило лишь сообщение тех сведений, в том числе и в области практической медицины, на основе которых желавшие заниматься врачеванием могли освоить и в дальнейшем совершенствовать практические навыки. Известные единичные попытки преподавания внутренней медицины у постели больного, предпринятые профессорами практической медицины в Падуанском, Лейденском, Страсбургском университетах в XVII и XVIII веках, носили характер скорее методических приемов, служили лишь целям лучшего усвоения излагаемых сведений, а не были выражением стремления реформировать медицинское образование, изменить профиль подготавливаемых университетами специалистов.

Все сказанное полностью относилось и к медицинскому факультету Московского университета. Студент, желавший изучать медицину, сначала в течение года слушал лекции по общеобразовательным дисциплинам на философском факультете, а затем уже приступал к курсу медицинских наук: слушал лекции по химии, врачебному вещевословию и практической медицине; анатомии, хирургии и судебной медицине; естественной истории; физиологии, патологии, гигиене, диететике и терапии¹⁰. Преподавание всех этих дисциплин велось сугубо теоретически даже в конце XVIII века.

Свидетельством тому может служить письмо М. Я. Мудрова, учившегося в Московском университете во второй половине 90-х годов XVIII века, к М. Н. Муравьеву¹¹, написанное им из Парижа в 1805 г. Характеризуя постановку преподавания на медицинском факультете Московского университета "курса практических наук", к которым он отнес "Анатомию и Хирургию... Операторскую часть Акушерства, Прозекторскую часть Судебной медицины и Круг Анатомии Врачебной или Патологической"¹², М. Я. Мудров отметил, что изучение их проводилось в лучшем случае только со слов преподавателя. Так, описывая преподавание В. М. Рихтером хирургии и повивального искусства, он писал: "Г. Профессор Рихтер... читал Хирургию превосходно. Но можно ли тому поверить, что он не показал ни одной операции ни на живом, ни на кадавере? И мы ни одной не сделали. Можно ли тому поверить, что он учил словами и мелом делать операции, не показав строения оперируемой части на кадавере?... Он не интересовался операциями, кои иногда совершали в Госпиталях: и мы того не видали... Акушерские его лекции приводили слушателей в восхищение... но ни один из нас не сделал ни одного аборта с настоящими (мертвыми) младенцами над женским трупом; ни один не имел понятия, как должно тушировать... ибо не было женщин. Ни один не акушировал ни натуральных, ни искусственных родов, или лучше не видал, как бывают роды: ибо не было родильниц"¹³.

¹⁰ Российский Д. М. 200 лет медицинского факультета Московского государственного университета. — М., 1955. — С. 21—47.

¹¹ Муравьев М. Н. — с 1803 по 1807 г. попечитель Московского университета и товарищ министра народного просвещения.

¹² Письма М. Я. Мудрова к М. Н. Муравьеву // Чтения в обществе истории и древностей российских при Московском университете. — 1861. — Кн. 3. — С. 27.

¹³ Там же. — С. 27.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что М. Я. Мудров не относит практическую, или клиническую, медицину к числу “практических наук”. Поскольку М. Я. Мудров указывал на необходимость как можно скорее организовать преподавание “практических наук” с обязательными клиническими демонстрациями, работой в клиниках, вскрытиями трупов и т. д., то можно предположить, что курс клинической медицины в Московском университете не только читался сугубо теоретически, но и, по мнению М. Я. Мудрова, не должен был читаться иначе. Возможно, это мнение сформировалось у него не только под влиянием опыта собственного обучения в Московском университете, но и в результате знакомства с университетами Германии и Франции. Известно, что позднее М. Я. Мудров изменил свою позицию и стал подлинным родоначальником клинического преподавания в Московском университете. Но главное, что в свете свидетельств М. Я. Мудрова достоверность упоминаний даже о клинических демонстрациях С. Г. Зыбелина в университетской больнице выглядит недостаточно убедительно.

По истечении 3 лет обучения, на которые был рассчитан курс медицинских наук, и прохождения итоговых “испытаний” университетской конференцией выпускнику присваивалось звание кандидата медицины. Уже сама по себе формулировка звания, присваиваемого выпускникам медицинского факультета, подчеркивает незавершенность их подготовки. В дальнейшем кандидат медицины имел возможность либо пройти усовершенствование за границей и защитить там докторскую диссертацию, либо остаться в университете в качестве помощника ординарного профессора и через несколько лет, защитив диссертацию, стать доктором медицины, либо после стажировки в одном из генеральных госпиталей сдать экзамен на право врачебной практики.

Таким образом, подготовка на медицинском факультете как Московского, так и европейских университетов являлась лишь этапом формирования врача. Эта установка была настолько общепринятой, что в “Мнении об учреждении и содержании Императорского университета и гимназии в Москве”, составленном профессорами Московского университета по поручению Екатерины II в 1765 г., нет ни слова о необходимости создания клинической базы¹⁴. Что же касается университетской больницы, то, по мнению профессоров, ее организация являлась безусловно необходимой, но отнюдь не как учебного подразделения. “Университетская больница, — читаем мы в “Мнении...”, — для стипендиатов и для всех при Университете, требующих сего учреждения, в которой требуется медик и больничный инспектор¹⁵.”

Отметим, что при этом организация ботанического сада, химического и физического “кабинетов” рассматривалась исключительно с точки зрения обеспечения учебного процесса. Поэтому даже если С. Г. Зыбелин, как указывает В. Н. Смотров, и показывал студентам больных в университетской больнице, это вовсе не означает, что в Московском университете была клиническая база, т. е. лечебное учреждение, специально созданное для целей преподавания практических медицинских дисциплин, учреждение, для которого тем или иным образом, но обязательно определено место в системе подготовки врача. О необходимости клинической базы, или клиники, ничего не говорится и в других проектах нового университетского устава, составленных во второй половине XVIII века в стенах Московского университета, — в проектах профессора Ф. Г. Дильтея (1766–1768)¹⁶, И. И. Шувалова (1783)¹⁷.

Все вышесказанное не означает, что на протяжении XVIII века не возникали идеи создания клинической базы для медицинского факультета, но эти идеи были тесно связаны с изменением профиля подготавливаемых университетом специалистов. По-видимому, впервые вопрос об организации

клинической базы был поставлен в Проекте устава российских университетов 1787 г. Проект четко определял, что медицинский факультет должен готовить широко образованных специалистов: врачей, хирургов, аптекарей, акушеров, и важнейшим средством обеспечения этой задачи являлась клиническая база¹⁸. Для подготовки врачей и хирургов предусматривалось учреждение клинической больницы, для подготовки акушеров — родильный дом. “Когда учащийся лечебной науке, — говорится в проекте, — все части ее разумеет будет, тогда остается ему видеть клинику, или быть при больных, где рассматривает он болезни в самом естестве; разбирает и наблюдает их признаки, действия, припадки и перемены; уверяется о следствиях предписанных им лекарств; и таким образом в прежде выученных теоретических знаниях опытом утверждая, делается разумеющим практиком”¹⁹.

Однако чрезвычайно примечательно, что проект этот родился не в стенах Московского университета, а в комиссии, созданной в 1784 г. для разработки уставов средних и высших учебных заведений России. Более того, С. В. Рождественский доказал, что Проект устава российских университетов 1787 г. был целиком заимствован из записки Зонненфельса, отражавшей действительное состояние австрийской системы образования после реформ, проведенных в середине XVIII века Марией Терезией²⁰. Эти реформы, направленные в первую очередь на создание единой государственной системы образования, в области подготовки медицинских кадров предусматривали изменение целевых установок университетского образования. Основную роль в этих преобразованиях сыграл знаменитый Ван-Свитен. Являясь учеником Г. Бургава, Ван-Свитен, по-видимому, полагал, что за счет клинического преподавания практических медицинских дисциплин в рамках собственно университетского курса можно сократить срок подготовки законченного специалиста: врача, хирурга или акушера.

Проект 1787 г., как, впрочем, и другие упоминавшиеся выше проекты, в силу ряда объективных причин, разбор которых составляет предмет отдельного исследования, принят не был. К вопросам подготовки нового университетского устава вернулись лишь в 1802 г. после восшествия на престол императора Александра I, создания Министерства народного просвещения и Главного управления училищ. При этом примечательно, что, как только Университетский устав 1804 г. законодательно изменил целевую установку медицинского факультета²¹, в Московском университете была создана клиническая база. В начале 1805 г. открывается “глазная больница”, в августе того же года — Клинический институт на 6 коек и в январе 1806 г. — Повивальный институт на 3 кровати²².

Сравнительно быстрое решение этого вопроса служит косвенным подтверждением того, что отсутствие клинической базы в Московском университете в XVIII веке не было связано с какими-либо организационными или материальными трудностями, а являлось прямым следствием того, что медицинский факультет в XVIII веке не готовил законченных специалистов, а лишь обеспечивал широкое общемедицинское теоретическое образование.

¹⁸ Сухомлинов М. И. История Российской академии. — Вып. 6/Приложение к XLII тому записок Императорской академии наук. — № 2. — С. 97—111.

¹⁹ Там же. — С. 93–100.

²⁰ Зоннефельс Иосиф (Sonnenfels, 1732–1817) — австрийский писатель и юрист. В 1785 г. посол России в Вене князь Голицын, исполняя волю Екатерины II, обратился к австрийскому канцлеру князю Кауницу с просьбой предоставить ему план австрийской системы образования. Кауниц поручил составление такого плана И. Зоннефельсу, который представил работу 7 февраля 1786 г. Впоследствии материалы, подготовленные И. Зоннефельсом, поступили в созданную в 1784 г. комиссию об учреждении народных училищ и были использованы О. П. Козодавцевым в составлении проекта Устава российских университетов/Рождественский С. В. Очерки по истории системы просвещения в России XVIII–XIX веков. — СПб., 1912. — С. 653–654.

²¹ Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. — Т. 1. — СПб., 1864. — С. 262–301.

²² Шевырев С. История Императорского московского университета, написанная к столетнему его юбилею. — М., 1855.

¹⁴ Мнение об учреждении и содержании Императорского университета и гимназии в Москве // Чтения в обществе истории и древностей российских при Московском университете. — 1875. — Кн. II. — С. 181–212.

¹⁵ Там же. — С. 208.

¹⁶ Рождественский С. В. Очерки по истории системы просвещения в России XVIII–XIX веков. — СПб., 1912. — С. 468–469.

¹⁷ ЦГАДА, ф. XVII, д. 48, л. 1–17 об.